

ДАРЬЯ Литвинова

РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ОТ СЛЕДОВАТЕЛЯ СК

Когда память
становится
ловушкой

ТО, ЧТО ОН
СКРЫЛ

Детективы Дарьи Литвиновой.
Реальные истории от следователя СК

Дарья Литвинова
То, что он скрыл

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литвинова Д. С.

То, что он скрыл / Д. С. Литвинова — «Эксмо»,
2026 — (Детективы Дарьи Литвиновой. Реальные истории от
следователя СК)

ISBN 978-5-04-256402-4

Для поклонников книг Александры Марининой. Российский детектив, написанный женщиной-следователем. Реальные факты, узнаваемое место действия, неопознанные тела, задержания, допросы — полное погружение в сложную, но увлекательную «кухню» следствия... Предприниматель Виктор Зордин получает видео, на котором его сын Всеслав сообщает, что его похитили, и просит отца признаться в каком-то давнишнем преступлении. Виктор обращается в полицию, сыщики заводят уголовное дело. Спустя некоторое время Всеслава находят мертвым. По данным экспертизы, смерть наступила от удара в грудь. Отец не верит в естественную смерть сына, предполагая убийство из мести. Сразу же после похорон сына пропадает дочь Зордина. Бизнесмен получает новое видео с той же просьбой, теперь уже от дочери... Под давлением обстоятельств отец наконец соглашается признаться в страшном преступлении, тяготившем его много лет...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-256402-4

© Литвинова Д. С., 2026

© Эксмо, 2026

Дарья Литвинова

То, что он скрыл

© Литвинова Д.С., 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

– ...Наиболее обсуждаемым стало видео, показанное утром двадцать третьего апреля сразу в трех популярных социальных сетях; позже оно попало и на платформу «Ютуб». Чуть больше пятнадцати секунд сын известного предпринимателя Виктора Зордина просит отца «признаться», чтобы не стало хуже; на лице молодого человека – следы сильных побоев, поэтому мы не можем показать вам видеозапись без блюра. В настоящий момент неизвестно, что это: так называемый фейк или попытка шантажа. Напомню, Виктор Викторович Зордин...

Викторович нажал на «паузу» и посмотрел на своих помощников. Жаба пребывал в глубокой задумчивости, а Викентьев что-то быстро вводил в строку поиска на своем айфоне.

– Ну?

– Сейчас, – немного растерянно ответил Викентьев, – надо же оригинал найти...

– Я тебе скинул две ссылки, – процедил Викторович. – Какой оригинал тебе еще нужен?

– Не смотрел... Сейчас...

– На. – Жаба сунул ему свой мобильный: здоровенный «Танк», надежно упакованный в плотный чехол с дикой расцветкой. – Включай! Шеф, ничего, что со звуком?

– Да пусть уже...

Снова четверть минуты в его ушах звучал голос сына – дрожащий, плачущий: «Отец, признайся, пока хуже не стало, у меня так все болит, признайся, я тебя умоляю!» Сопляк! Голова у него в запекшейся крови, это да, но из внешних повреждений – разбита губа да царапина на лбу, и только-то. А рыдает так, словно обе руки оторвало. Из головы кровь имеет свойство идти даже при незначительном рассечении, и череп у сына явно не проломлен – вон как бодро чешет: «Умоляю, умоляю...»

Запись закончилась, и Викторович скрипнул зубами.

– Ну? – спросил он, уставившись в пространство между помощниками. Викентьев сосредоточенно смотрел в экран: выключив звук, он пересматривал видео, Жаба, пожевав губами, сказал:

– Шеф, один вопрос без субординации.

– Валяй уже.

– Может, того... признаетесь?

Викентьев вздрогнул, посмотрел на Жабу с тревогой – такие вопросы задавать было опасно. Однако Викторович, тяжело вздохнув, нехотя произнес:

– Может, и признаюсь. Только что им нужно-то конкретно? Чтоб лишнего не наболтать...

* * *

Примерно в это же время видео пятый раз подряд смотрела Ледка, младшая сестра похищенного. «Признайся, умоляю...» звучало в ее наушнике, пока мастер полировала ногти на правой руке. Остывал ароматный эспрессо на приставном столике. За окном шумела, двигалась, дышала трубами заводов и гудела клаксонами Тверь, а где-то в задрипанном недовгороде, из которого вся их семья была родом, похитили Всеслава и теперь шантажируют их отца.

Пальцы невольно сжались в кулак, и Ледка услышала деликатный протестующий возглас маникюрши.

– Извиняюсь, – бросила она, мельком оценивая ущерб: ничего, даже не смазалось. – Мысли одолели. Продолжай.

Итак, Всеслав отправился в Лесогонск, и там его поймали папашкины недруги. Конечно, в Твери похитить человека куда как труднее: а там – подошел сзади в любое время, в любом проулке, дал по башке и тащи, куда хочешь. Лесогонск Ледка не помнила, но знала по рассказам матери, что это тихий, спокойный, зеленый городок на берегу двух рек, в нем много птиц, пролесков, болот и лесных массивов. И два больших предприятия, в которых отец имеет доли. Всеслав ездил туда под предлогом контроля работы сотрудников рыбзавода как делегированный отцом проверяющий, а на самом деле просто появлялся, слонялся минут пятнадцать по цехам и коридорам завода и сваливал на базу отдыха. А по ночам дрефтил на единственной площади города и зависал с девчонками и старыми приятелями в местных клубах. Зато вроде бы при деле.

Всеслав пристрастился к поездкам на малую родину после того, как в Твери его от души приложили по почкам за превышение скорости, отказ остановиться и нахождение за рулем в состоянии алкогольного опьянения. В Лесогонске же их фамилия давала какую-никакую, но неприкосновенность, и спорткар с «блатными» номерами не тормозили.

Итак, отцу надо в чем-то признаться. Ледка не была посвящена во все нюансы обретения семейного бизнеса, но догадывалась, что законным путем в те годы никто не шел. А может, и в последующие... Единственное, что приходило ей на ум, это незаконная охота. Орланы, сапсаны, черный беркут, вписанные в Красную книгу, – мог отец организовывать их нелегальный отстрел? Как пить дать: база отдыха давно предоставляла некоторые услуги исключительно для «своих». Но в то, что охранники природы могли кого-то похитить, верилось с трудом. Не вполне честно приобретенные паи рыбзавода? Это проще доказывать через прокуратуру... Нечего ломать голову, нужно скорее встретиться с отцом. И брата надо вытаскивать...

* * *

А в РОВД города Лесогонск второй час подряд задавались одним вопросом: на кой черт этот парень с разбитой в кровь головой в самом начале видео сказал, где конкретно находится. Согласно положениям Уголовно-процессуального кодекса его видеообращение являлось сообщением о преступлении. Человека похитили и удерживают, еще и периодически бьют – на статью наберется с лихвой, еще и останется. На сообщение о преступлении не отреагировать нельзя, но если бы фраза «сейчас я в Лесогонске» не прозвучала, то сотрудники любого районного ведомства дружно посочувствовали бы бедолаге и благополучно забыли бы о том, что видели, однако слова о территории, на которой совершается преступление, все меняли. Посему руководитель межрайонного следственного отдела на основании полученной информации дал поручение подчиненным сотрудникам провести доследственную проверку.

Поручать было особо некому: два лейтенанта, Сытарь и Кожухов, только-только окончившие вуз, с расследованием простых преступлений справлялись неплохо, но что-то сложнее раскрытого бытового убийства в своей практике еще не видели. А следователь Шировцев, недавно получивший звание капитана, был специалистом в сфере экономики и в настоящий момент плотно погрузился в многотомные материалы по хищениям в городской администрации. По-хорошему, можно было бы отписать рапорт для проверки и ему – не первый день работает, совместит, – но рисковать не стали: замазать грязью городского главу на текущий момент было гораздо важнее, чем найти похищенного парня, пусть даже и сынка местной «пишки». Поэтому Шировцев продолжил изучать сметы и контракты, не отвлекаясь на такие мелочи. Оставался только заместитель руководителя, его фамилию и поставили в левом верхнем углу

документа с пометкой «провести проверку», после чего руководитель отдела с чистой совестью убыл в давно запланированный отпуск.

В РОВД все было немного по-другому.

Текучка, неизбежная спутница службы полиции, в Лесогонске была почти беспрерывной. Из-за нехватки сотрудников из отдела в отдел переманивали наиболее вменяемых, но и те задерживались ненадолго и старались перевестись куда-то поближе к областному центру. Из прежнего состава осталась только пара человек, поэтому так вышло, что на момент похищения Зордина в отделе было два типа сотрудников: старые, уставшие, и молодые, неопытные. И кому поручать оперативное сопровождение дела, обещавшего стать резонансным, было совершенно неясно.

Оперативники по линии тяжких и особо тяжких преступлений, пожилой майор Миронов и молодой лейтенант Романчук, после сообщения о похищении заметно погрузстнели. Видео всем действующим сотрудникам розыска продемонстрировали на утренней планерке, после чего предложили высказывать свои соображения.

– Бред это все! – уверенно донеслось из самого заднего ряда. – Дурь!

Разумеется, это высказался один из мастодонтов Лесогонского РОВД, бывший сотрудник ППС капитан Билюжин. По какой-то одному ему известной причине он всей душой ненавидел интернет и свободу, которую тот давал. Сотрудники моложе получали преимущество, извлекая из Всемирной сети новую или вспомогательную информацию, а Билюжин принципиально отказывался пользоваться благами цивилизации, предпочитая телевизор и старые верные СМС-сообщения. Учитывая вечный катастрофический недокомплект в отделе, руководство закрывало глаза на то, что Билюжина приходилось каждый раз уведомлять о чем-то лично, поскольку в общих чатах он не состоял.

Вот и сейчас, услышав, что сообщение о преступлении получено из средств массовой информации, капитан Билюжин разразился очередной тирадой о том, что нужно меньше пользоваться «этой заразой» и не рапорт составлять, а ждать, пока придут родственники и заявят официально. И вообще, он слышал об искусственном интеллекте, и где доказательства, что видео – это не его работа.

– Ого! – с уважением прошептал лейтенант Десиков, глядя на коллегу. – Вроде дурак дураком, а идеи здравые.

– Будут тебе и родственники, – пообещал начальник криминальной полиции. – А пока что родственник похищенного – прокуратура.

– Вот пусть прокуратура меньше в телефонах своих сидит, а больше работает.

Билюжин был непреклонен и мог говорить что угодно, не боясь, что его задействуют в проведении ОРМ – слишком серьезной была статья, а Билюжину давно уже не отписывали ничего существеннее мелких краж или побоев. Поучаствовать в массовке – да, это капитан любил: приложиться кулаком пару раз к задерживаемым, поорать матом со зверским лицом, но добывать доказательства, размышлять, искать преступников... это было не его кредо. Вот и сейчас, зная, что никаким боком не будет задействован в раскрытии, он с умным видом размышлял, как хорошо было бы жить без средств массовой информации вообще.

– Обязательно донесу твое мнение товарищу прокурору, – наконец раздраженно прервал его начальник СКП Шазин. – Будут еще идеи, прошу письменно мне на стол. Как с родственниками свяжутся, получим его номер для биллинга, но и вы не сидите без дела, пробейте, где можете. Знакомых установите, у них наверняка будут контакты. И сразу подробный опрос, осмотры, схема связей, все как положено.

– А чекисты не подключатся? – с надеждой в голосе спросил Талгасов, имея в виду ФСБ.

– Нет. Не подтверждено, что это организованная группировка. Может, его какой кредитор похитил в одиночку, или ревнивый муж, или тетенька для секс-утех.

– Но он же на видео говорит «меня отпустят», во множественном числе.

– Эти слова наличия преступной группы не доказывают.

– Понятно.

– Никогда у нас людей не похищали, – вставил свои пять копеек Миронов, самый пожилой, если не считать Билюжина, сотрудник уголовного розыска. – Лет пятнадцать назад один мужик любовницу две недели из дома не выпускал, но чтобы похитить...

– Все бывает в первый раз. Хоть со следаком повезло: Суглинков, думаю, дело себе заберет. Новые следователи в комитете не слишком опытные...

– И у нас тут опытных – полтора землекопа, – напомнил Десиков. – Я по похищению много не наработаю. Мои навыки, если что, – это школа МВД.

– Вот и пойдешь вперед как самое прогрессивное поколение. В общем, сейчас коротко по вашим делам, потом еще раз изучите видео – и в работу. Прокуратура на днях возобновляет уголовные дела прошлых лет по особо тяжким преступлениям, так что халява закончилась.

– А когда она начиналась? – грустно уточнил лейтенант Романчук.

Уголовные дела прошлых лет – нераскрытые преступления, производство следственных действий по которым было приостановлено, одним из оснований для этого является неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Дел таких ввиду относительно спокойной обстановки и небольшой территории района было не то что великое множество, но в каждом из них имелись свои пострадавшие, которые могли рассчитывать на справедливую сатисфакцию. Под «особо тяжкими» понимались уголовные дела по преступлениям против личности. В основном со смертельным исходом, реже – по изнасилованиям, разбоям, телесным повреждениям, не повлекшим смерть, и прочие.

Конкретно лесогонской прокуратурой была произведена выборка нераскрытых преступлений по статье 105 УК РФ – убийство, в которую попали как обнаруженные трупы со следами насильственной смерти, так и люди, пропавшие без вести при обстоятельствах, предполагающих таковую.

Список невелик, но даже по одному пропавшему без вести работа должна вестись немалая, а если есть предположение о его смерти, носящей насильственный характер... В общем, труд предстоял немалый. И любые дополнительные нагрузки только усложняли все, потому что часов в сутки, в отличие от указаний, никто не добавлял.

* * *

По такому же поводу собрались и у самих Зординых; приехали все так или иначе причастные к делам семьи: оба помощника – Жаба и Викентьев – и адвокат Шумилов. Жена Викторовича, Ольга Юрьевна, неподвижно, словно статуя, стояла у окна и неотрывно смотрела на мужа. Уловив момент, когда тот задумчиво глянул на нее, она поспешно сказала:

– Надо срочно ехать в Лесогонск.

– Сначала. Надо. Подумать, – раздельно сказал Викторович. – Сама должна понимать, что Славку просто так не вернут. Надо понять, какого дурацкого признания они хотят.

Жаба хотел добавить, что и после мифического признания парня могут не вернуть, но промолчал, жалея женщину: лицо Ольги Юрьевны было белым как мел.

– ФСБ надо подключать, – озабоченно сказал Викентьев. – Посоветоваться.

– Ага, чтоб еще и фейсы нас за жопу взяли! Мало нам других проблем.

– В общем-то можно и попробовать... – кашлянул адвокат Шумилов и добавил: – Кулуарно. Викторыч, ты же не думаешь, что они еще не в курсе. Весь интернет в этих новостях.

– Витя... ребята... я прошу вас, верните мальчика... – срывающимся голосом заговорила Ольга Юрьевна.

Викторович с досадой посмотрел на жену:

– Ольга, выйди. Мы сейчас... будем решать. – Он побарабанил пальцами по столу. – Шумилов, как думаешь, на постановку это не похоже?

– Если даже похоже, один вопрос: зачем? – подумав несколько секунд, ответил адвокат.

Действительно, зачем? Только если предположить, что Всеславу стало совсем скучно и он решил сделать жизнь ярче, выведя отца на эмоции. Парню хватало денег на все, и шантаж в данном случае не имел смысла.

– Может, у них среди молодежи прикол сейчас такой, – буркнул Викторович. – Родителям на мозги капать и смотреть, кто из них поведется. Помнишь, в прошлом году они компанией бомжевать собирались? – Он намекал на эксперимент, когда несколько парней и девушек из богатых семей решили – от недостатка адреналина и сильных эмоций – почувствовать на себе «прелести» жизни бездомников и отважно отправились без мобильных, документов и денег скитаться по улицам, ночевать в заброшенных зданиях и питаться тем, что найдут или выпросят. Эксперимент не продлился и суток. – Вот и сейчас, может, тот же прикол? Дождемся вечера и Славка сам появится?

– Надо проверять, – повторил адвокат. – Кровь у него вроде бы настоящая.

Ольга Юрьевна, которая то и дело порывалась что-то сказать, все же вышла, бросив напоследок умоляющий взгляд на мужа, но тот был погружен в раздумья и не обратил на нее внимания.

Нужно было заявлять в полицию. По-хорошему, и полиция, и следственный комитет уже сами должны были после сообщения СМИ о похищении Зордина получить указание прокурора на написание рапорта об обнаружении признаков состава преступления и проведение следственной проверки. Но Викторовичу никто не звонил, о сыне не спрашивал. А в его положении, с его статусом привлекать полицию самостоятельно – это все равно что расписаться в беспомощности. Да и еще отвечать на вопросы, которые задаваться не должны: насчет того же загадочного «признания». А молчать, ждать, пока выйдут на него, – тоже начнутся вопросы: почему не беспокоился? Почему тянул? Интернет сейчас у каждой бездомной собаки, уж кто-то из знакомых наверняка увидит ролик со Всеславом, а стрелочка «переслать» функционирует на экранах смартфонов и айфонов всегда исправно... Значит, надо действовать на опережение.

Чертов Всеслав! Викторович испытывал страх за сына, но и злость его переполняла: двадцать восемь лет, а все такой же безголовый дурак. Позволить себя похитить! И где – в городке, население которого если друг с другом не училось, то точно сидело, а если не сидело, то друг на друге женато! То есть в городке, в котором безопаснее, чем на Чукотке! Надо было выдергивать его оттуда сразу после колледжа и насильно увозить с собой, посадить в конторе у того же Шумилова, пусть бы просто сидел и бумажки раскладывал, главное, под присмотром бы был. Так нет же, подавай ему самостоятельность. А еще и жена: «Не подавляй мальчика, дай ему раскрыться. Он не хочет расти в твоей тени, и он, в конце концов, тоже мужчина».

И вот этот «мужчина» жует сейчас сопли на камеру!

Сердце Викторовича сжалось при воспоминании о крови на голове сына. Ничего, злее будет, может, поумнеет. Он стукнул кулаком по столу, и тут же тренькнул айфон в кармане. Звонила дочь, Ледка. Не здороваясь, она сразу перешла к делу:

– Мать видела ролик?

– Видела, – крикнул Викторович.

– В полицию надо идти, пока она сама не пошла, а то признается там за тебя, в чем можно и нельзя.

– Она не пойдет, – ответил Викторович, но сам в этом уверен не был. Он знал, какой могла становиться жена, когда дело касалось детей. – К тому же в нашем округе у нее заявление не примут, а если примут, то даже опрашивать ее не будут, сразу перешлют в Лесогонск.

– Она звонила мне только что, ничего внятного, но уже на грани истерики. Так что дай ей лекарств.

– Каких лекарств?

– Да любых, – нетерпеливо проговорила дочь. – Успокоительные, антидепрессанты, или водки в нее влей. Давай, я уже еду, – бросила она и отключилась.

Викторович положил телефон на стол, потер затылок. В полицию идти придется, да, но только не в тверскую. Надо ехать на место и разбираться там. Благо в Твери и без него все налажено.

– Едем в Лесогонск, – сообщил он своим помощникам. – Будем смотреть по ситуации.

– В полицию обращаемся? – уточнил адвокат, поднимаясь.

– Обращаемся. И другие связи поднимем. Никому не позволено запугивать меня!

* * *

В правоохранительных органах Лесогонска по поводу тактики действий посоветоваться было особо не с кем: прокурора-криминалиста в штате не водилось, а те сотрудники, которые в прошлом занимались расследованием уголовных дел, с похищениями не сталкивались. В принципе общее направление было понятно всем: попытаться установить последнее местонахождение Всеслава Зордина и тех, кто видел его последний раз. Изучить записи с камер видеонаблюдения, опросить круг лиц, которые могли обладать информацией по возможным угрозам в его адрес. Проверить связи похищенного, личные и рабочие, установить вхожих к нему в доверие, узнать о долгах, кредитах, в конце концов, вызвать Зордина-старшего и попросить его признаться: авось и отпустят парня без лишнего шума. Последнее, разумеется, казалось самым абсурдным, но маленькая надежда на то, что предприниматель в курсе требований похитителей и выполнит их, оставалась.

– В конце концов, кому это нужнее, нам или ему, – бурчал Миронов. – Его сын, не наш.

Современные технологии позволяли «пробить» местонахождение человека по номеру телефона, а также отследить, чьи номера функционировали рядом с ним в конкретный период времени, после чего установить всех владельцев «трубок» и опросить их, но на это нужно было слишком большое количество времени, которого не было. Последняя неделя вообще «радовала» происшествиями. Накануне два сильно пьяных подростка баловались на железнодорожных путях, на мосту через Кесьму, и снимали все это на видео. В итоге один из них свалился в реку и утонул. Другого, очевидно растерявшегося, минутой позже сбила электричка. По сути, двух покойников поделили между ведомствами: первым занимались транспортники, вторым, которого нашли ниже моста по течению, – обычная полиция. Подростки были из благополучных семей, и версия двойного несчастного случая не устроила убитых горем родителей: они сразу принялись писать заявления о том, что на мосту был третий, тот, кто сбросил с моста одного, а потом, чтобы скрыть преступление, толкнул второго на рельсы. Показания свидетелей ими в расчет не брались. Поскольку дело касалось несовершеннолетних, его взяли на контроль.

Сутками ранее – уже в трезвой компании – один паренек на спор сломал другому руку. В травматологии пострадавший честно рассказал, как было дело, поэтому в отношении его приятеля составили рапорт по признакам состава преступления, предусмотренного статьей 112 УК РФ: умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести. Парень с переломом, осознав, что приятель из-за глупого спора получит судимость, попытался было изменить показания и соврать, что упал сам, но к этому времени очевидцы уже были опрошены, и задний ход давать было поздно.

В самом начале недели мужчина задушил свою сожительницу в ходе полового контакта, сам вызвал скорую, а когда его задерживали, разбил окно и попытался вскрыть себе вены. Руку его, уже после первого пореза, перехватил выехавший на место Романчук, при этом замазался

кровью и теперь переживал, не болеет ли преступник венерическими заболеваниями или чем похуже.

Днем позже в центре города два гражданина повздорили из-за парковочного места. Один из них выстрелил во второго из травматического пистолета, да так неудачно, что попал в глаз, и это вызвало разрыв глазного яблока, отслойку сетчатки и перелом орбиты. Если бы он целился специально, то вряд ли попал бы даже в голову, но тут выражение «пуля – дура» оправдало себя. В частной косметологической клинике «ВекА» была обнаружена подмена дорогих расходных материалов на дешевый контрафакт, и от клиентов посыпались заявления с требованиями установить, когда именно это произошло и что вкалывали или вшивали им. Так что дел хватало помимо похищения Всеслава Зордина.

– Как чайки уже едим, – сетовал вернувшийся с быстрого обеда, а точнее, с перекуса в машине Миронов. – На лету.

– Да, – поддержал его Десиков и вдруг принялся. – А чем тут воняет? У меня сейчас шаурма обратно полезет. – Он первым почувствовал запах, доносящийся из коридора, где были расположены кабинеты уголовного розыска. Запах был резким, противно кисловатым, затхлым.

– Нам что, труп притащили? – удивился и Миронов.

Разгадка оказалась простой: в коридоре на шатком стульчике сидело существо женского пола, укутанное в несколько слоев засаленной грязной одежды, на голове у нее была копна спутанных грязных волос, на опухшем лице с узенькими глазками – следы свежих царапин. Когда женщина сидела спокойно, зловоние держалось вокруг облаком, но она непрестанно шевелилась, распространяя «аромат» по всему коридору, и оперативники, не дыша, проскочили в кабинет, где Десиков поинтересовался:

– Что у нас в коридоре?!

– Потеряшка нашлась, – сказал Лурницкий. – С февраля пропала. Бомжевала.

– А нельзя вывести ее на уличку?

– Сбежит, – меланхолично ответил Талгасов. – Путь лучше воняет.

– А из коридора не сбежит?!

– Нет. Мы ей сказали, что на выходе ее караулят. Поверила.

– Надеюсь, родственники быстро приедут, – пробормотал Десиков, усаживаясь за свой стол. – Это же настоящее химическое оружие.

Указанные родственники, немолодая пара, приехали в течение получаса. Они обнимали безучастную потеряшку, не обращая внимания на запах, что-то говорили ей, потом мужчина аккуратно повел ее к выходу, держа под руку, а женщина, как заявитель по пропавшей без вести, осталась давать объяснения.

– Спасибо вам, – горячо сказала она. – Мы думали, живой ее уже не увидим. Где же она была?

– Скиталась, – лаконично ответил Лурницкий. – Сегодня вышла к вокзалу, там ее патруль и остановил.

То, что они вместе с сотрудниками линейного отдела всерьез рассматривали мысль препроводить пропавшую в уголовный розыск не внутри автомобиля, а приковать ее наручником к дверце и заставить двигаться трусцой рядом с машиной, он решил не озвучивать. Машина пропахла так, что Лурницкий считал минуты до посещения автомойки.

– Спасибо, – повторила женщина. – Это сестра наша старшая. Она столько для нас сделала. Мы чуть с ума не сошли, когда она пропала.

Подписав объяснение, она вышла, еще раз поблагодарив, дверь в спешке прикрыла неплотно, и в кабинет снова начал просачиваться отвратительный запах.

– Что ж ты ей не посоветовал к доктору сестру отвезти? – вскакивая с места, чтобы закрыть дверь, спросил у Лурницкого Десиков. – У нее ж с головой явно не в порядке!

– А ты что, психиатром заделался?
– Да не может здоровый человек так вонять!
– Во-первых, – назидательно начал Лурницкий, – человек своего запаха не слышит. Во-вторых...
– Весь отдел слышит, а она не слышит! – перебил его Десиков.
– Во-вторых, – невозмутимо продолжил тот, – это не мое дело – советы давать. Если они сами не видят, что сестра кукухой скорбная, то и мои слова их не убедят. Главное, чтобы она больше не терялась, или пусть тогда за мойку мне платят...
В кабинет влетел возмущенный Романчук:
– Что сдохло в коридоре?!
– Еще один, – вздохнул Лурницкий. – Это потеряшка нашлась.
– И ты ее мертвую сюда притащил?!
– Нет, она живая так пахла.
– Хватит вам. Что по Зордину? – спросил Талгасов, прекращая разговоры о запахе. – Запрос по мобильному потерпевшего сделали?
– Какое там! Родственники и разговаривать со мной не захотели.
– Надо же, какие важные. Ладно, с комитетскими они по-любому будут разговаривать...
Кстати, надо же уточнить, кто материал будет рассматривать. – Он набрал номер Суглинка и, когда тот ответил, уточнил: – Подскажи, у вас по похищению кто будет работать?
– Кто, – раздраженно бросил Суглинка, – сам догадайся.
– Понял тебя. Тогда мы план набросаем и приедем. Хорошо, что ты материал себе взял, – удовлетворенно сказал Талгасов и услышал, как тяжело вздохнули на том конце провода.

* * *

Майор Суглинка из межрайонного следственного отдела, откровенно говоря, в гробу видел брать себе материал по факту похищения Зордина. Сосланный в злосчастный Лесогонск за не слишком качественную работу в областном центре, он первые пару лет вкалывал от зари до зари, стараясь оправдаться и вернуть себе потерянный статус; но в Твери никто не спешил возвращать Суглинка. Более того, куратор отдела, приехавший с проверкой, недвусмысленно дал понять, что именно в забытой богом сельской местности изгнанный майор реализовал себя в полной мере.

– Надо было сразу сюда, – благодушно констатировал он. – Кому-то и простые преступления нужно расследовать. Кто-то, понимаешь, квефьорды печет, а кто-то и бублики.

Суглинка угрюмо кивнул. Даже если он и не был осведомлен о квефьордах, общая аналогия улавливалась без труда, и он продолжил «печь бублики»: гонять предприимчивых баб за самогон, выезжать на бытовые преступления против личности, выносить горы постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел по заявлениям местных жалобщиков, а по весне – еще и местных психов. Со временем майор привык, даже стал находить приятное в своей новой жизни: рыбалка на тихой речке, пустые дороги без пробок, свежий воздух... Да и чем дальше от следственного управления, тем меньше вероятность, что к тебе наведаются посреди рабочего дня либо решат вызвать к себе для профилактики.

Теперь же выезд спецов из управы неумолимо маячил перед глазами. С одной стороны, это и к лучшему: помощь в таких делах лишней не бывает. С другой – они приедут не только помогать: пользуясь моментом, еще и проверят все, чем Суглинка со товарищи занимались последнее время. А кто ищет, тот всегда найдет...

С похищением Зордина лопухнуться было нельзя, и первоначальный материал должен был быть собран так, чтобы «заезжие комары» не подточили носа, поэтому Суглинка посвящал ему все свое внимание. Он с тоской пересматривал видео в третий раз, понимая, что заце-

питься решительно не за что. Гулкий звук, темное помещение, лицо слабо освещено то ли лампой, то ли фонарем. Майор вспомнил прочитанный когда-то криминальный роман, в котором похищенного нашли, определив время записи и услышав на пленке сначала журчание ручья, потом гудок поезда, сопоставили, где в момент заката и рассвета в их районе недалеко от живой воды сигналият железнодорожники. Легко и просто, ага. Дал бы сейчас Суглинка тем детективам пленку со Всеславом Зординым, много бы они наработали с одним лицом похищенного, на которое светит лампа. В романе все было бы по-другому: знаток-криминалист растянул бы изображение или вытащил бы двадцать пятый кадр и увидел край окна, а за стеклом – большими буквами «станция Овинище». Или крутой физиогномист прочитал бы на лице похищенного, кто конкретно его украл и где именно держит. Или полицейский психолог по речи и жестам, выкурив в одиночестве сигару, установил бы точный адрес, куда запихнули несчастного. Суглинка же видел лишь разукрашенную кровоподтеками физиономию и мог ручаться, что и его коллеги любого уровня увидят то же самое.

Его мучили два вопроса: где искать парня и как скоро родственники похищенного начнут закидывать следствие жалобами на бездействие. Пока любой материал на контроле прокуратуры, расслабляться нельзя, но, когда еще и заинтересованным родственникам начнет казаться, что поиски ведутся недостаточно активно, внимание к его действиям возрастет в разы. У прокуратуры подобных материалов с десятков наберется, у родственников же такой похищенный – всего один, а Зордины явно не будут равнодушно относиться к ходу проверочных мероприятий и начнут постоянно уточнять, что делается для освобождения их сына из плена. А что тут сделаешь, когда из улик только лицо!

Слабые надежды майор возлагал на сотрудников уголовного розыска: может, они додумаются до чего-то, что сам он упустил. Разумеется, запрос об источнике размещения видео был направлен незамедлительно, но какой дурачок будет отправлять такой компромат на себя самого с личного аккаунта? Хорошо еще, если зашел в интернет-кафе, есть хоть какой-то шанс отследить злодея. А если воспользовался левой сим-картой и одноразовым телефоном? Или вообще компьютерный гений? Да и в принципе, если метаданные при перекодировании поменялись, есть ли смысл искать, откуда отправлено видео?..

О самом Всеславе Зордине пока можно было сказать мало, достоверно известны лишь два факта: что он помогал отцу с делами на базе отдыха «Орлан» и что очень любил нарушать ПДД, хотя в сводках никогда не мелькал, судя по всему, благодаря бездонным карманам. Женат не был, официально числился заместителем директора базы. Сведения о дорожных хулиганствах были получены из частных разговоров, но не нуждались в подтверждении, поскольку в таком маленьком городе, как Лесогонск, слухи всегда имели под собой твердую основу. Семья была не из простых, потерпевший – не из ангелов, работа явно предстояла глобальная; а на столе Суглинкова лежали дела и материалы подчиненных, которые нужно было проверить, и корреспонденция, требующая просмотра и распределения между следователями. Майор вздохнул, быстро напечатал несколько поручений в полицию и в том же ускоренном темпе принялся за прочие дела.

* * *

– Ледка, нам надо найти этого идиота раньше полиции.

Дочь сосредоточенно вела машину, не отводя взгляда от дороги. Спустя паузу она уточнила:

– Живого? Или любого?

– Живого, – помолчав, сказал Викторovich. – Слушай, это же брат твой, а такие вопросы...

Ледка дернула плечом и промолчала.

– Пап, – через какое-то время снова заговорила она, – а что, если дать на лапу мусорам? Чтобы искали активнее.

По привычке Викторович хотел было вздыбиться возражениями, но осекся: рациональное зерно в словах дочери присутствовало. И, хотя душа противилась платить правоохранительным органам хоть полкопейки, он буркнул:

– Можно. Только пробить надо, кому платить, чтоб не получилось так, что они за наши деньги на нас же компромат нарыли.

– Да какой там компромат, – отмахнулась Ледка, стрельнув в него взглядом. – Понимал бы Славик хоть что-то в твоих делах!

– Ну не совсем же он дурак.

– Совсем, – отрезала дочь. – Показывай, как ехать дальше, навигатор, видишь, сбился.

Со связью периодически были проблемы и в крупных городах, и в селах. Викторович ностальгически улыбнулся, вспоминая, как проделывал тысячи и тысячи километров по России, иногда не имея даже атласа дорог, и сказал:

– Скоро будете по картам учиться ездить. Как мы раньше. Метров через триста будет поворот, его проедешь и сразу за ним налево.

Ледка молча кивнула.

Дорога была пустынной, навстречу попадались редкие машины, справа и слева – золотистые поля, лесополосы. Знакомые с детства места. Когда-то поездка в областной центр казалась путешествием на другую планету, в огромный мегаполис, и маленький Викторович замирал от страха и восторга, видя яркие улицы, полные автомобилей... А теперь что такое Тверь да и Ярославль для него? Большое село. А родной Лесогонск – маленькое. Ледка почти и не помнит, как они жили здесь. Это жена раньше с умилением рассказывала всем желающим, как малышка дочь бегала по полям и дышала летним разнотравьем.

Так и не привыкла его Ольга Юрьевна к ритму большого города. Хоть и пользуется всеми благами цивилизации с видимым удовольствием, но променяла бы их на возвращение сюда, в болота да пролески. Когда закончится вся эта история со Всеславом, нужно будет поговорить с супругой. Хочет, пусть едет в свой Лесогонск и не мучается...

– А если одним днем обернуться не получится, гостиница там найдется? – вывел его из раздумий голос Ледки. – Или в Тверь придется ехать?

– Зачем гостиница. У нас дом там, если ты забыла.

– До-о-ом? – Дочь протянула это с таким недоумением, что Викторовичу стало смешно.

– До-ом, – передразнил он. – Двухэтажный, крепкий. Почти в центре города, между прочим.

– Его не разворовали за все эти годы?

– Не разворовали. Там твоя тетка с сыном живут.

– Какая тетка? С каким сыном?!

– Ледка, – упрекнул Викторович, – стыдно не знать ничего о своих родственниках. Мамина средняя сестра, у нее сын-колясочник.

– Они живые еще, что ли? Тетке, должно быть, лет под сто.

– Шестьдесят семь. – Викторович внезапно разозлился. – И это, чтоб ты понимала, далеко не предел. А твоей матери всего пятьдесят пять.

– Всего!

– Да, всего! Тебе в свои двадцать этого никак не понять, но это даже не старость! И, будь добра, отнесись к родне с уважением! О Всеславе ни слова, мы приехали улаживать формальности с документами.

Остаток пути они проехали молча, только перед маленькой стелой с надписью «ЛЕСОГОНСК» Ледка, вздохнув, сказала:

– Надеюсь, мы ненадолго.

– Я тоже, – буркнул Викторovich, испытав при виде стелы смешанные чувства ностальгии и презрительной жалости. Городок остался таким же, каким он его помнил: маленьким, серым, тесным. Жизнь здесь все так же ползла, останавливаясь передохнуть.

– Так и нет мыслей, кому Славка мог понадобиться? – Ледка покосилась на отца, не дождалась ответа и продолжила: – Если бы он хотел что-то разболтать, все давно уже было бы известно – он же не умеет хранить тайны больше минуты.

– Дело не том, что он может разболтать, а в том, что именно хотят от меня и что я готов рассказать.

По левую сторону потянулись однообразные низкие домики с перекошенными ставнями и прохудившимися крышами, за некрашеными заборами буйно зеленели заброшенные участки. Это был старый район города.

– Как вы здесь жили, – неприязненно пробормотала Ледка.

– Тебя не спросили, – огрызнулся, правда беззлобно, Викторovich. – Нам направо...

Полиция располагалась в центре, неподалеку от главной площади городка, припарковавшись перед зданием, Ледка присвистнула от неожиданности; да и Викторovich уже успел подзабыть, каким монументальным было здание родной ментовки. Под него когда-то в связи с реконструкцией старого участка отдали то ли бывший дом советов, то ли музей искусств, и фасад отделения полиции украшали полуобнаженные гипсовые гиганты с отрешенными лицами, а вход обозначался двумя колоннами, увитыми такими же гипсовыми виноградными листьями. Выглядело это солидно и мощно, но тем ярче был контраст при входе внутрь, в помещения, давно требующие ремонта, с трещинами на стенах и тусклыми лампочками.

На КПП они предъявили паспорта и объяснили причину визита, после чего турникет мигнул зеленым, и сначала Ледка, потом Викторovich по одному очутились в просторном вестибюле, треть которого занимала зарешеченная кабина дежурной части. За стеклом виднелись мониторы, стационарные телефоны, один сотрудник в форме вел оживленную беседу по мобильному, а двое других что-то писали. Тот, что был к окошку ближе всех, поднял голову и сказал:

– Слушаю вас.

– Моя фамилия Зордин, я по поводу сына.

Дежурный на мгновение задумался, после чего уточнил:

– Когда доставили?

– Кого?

– Вашего сына.

– Куда?

– Сюда, – спокойно сказал дежурный. – Вы же зачем-то в полицию за ним пришли.

– Моего сына похитили, – перебил Викторovich. – Если вы не в курсе интернет-новостей, советую поглядеть.

– Кто похитил?

– Да я откуда знаю кто, вот вы и разбирайтесь! Фамилия моя тебе ни о чем не говорит, что ли?!

Лицо дежурного выражало эмоций чуть меньше, чем у атлантов снаружи здания.

– Сейчас сообщу в уголовный розыск. Ожидайте.

– Чего ожидать?!

– Когда к вам спустятся.

– Кто ко мне спустится?! Архангел Михаил?!

– Пап, – зашипела Ледка, пихая его в бок, – кончай! Сотрудник спустится, который будет заявление отбирать. Правила у них такие.

У подруги дочери пару месяцев назад угнали мотоцикл, и они вместе подавали заявление в полицию, так что тут Ледке было виднее.

Викторович бросил еще один испепеляющий взгляд на дежурного и проворчал:

– Надо было с Шумиловым ехать.

– Успеешь еще ему заплатить, – махнула рукой Ледка. – Судя по здешней атмосфере, приехать придется не раз и не два. По их лицам видно, что они абсолютно не заинтересованы этим делом.

– Сейчас заинтересуются.

Викторович потихоньку начинал накачивать себя праведным гневом, однако до нужного состояния дойти не успел: вскоре запищала тяжелая дверь, и в «предбанник» выглянул молодой парень в штатском, который уточнил, Зордины ли они, и пригласил проследовать в кабинет.

– Это что, вот этот будет сына моего искать?! – громогласно спросил Викторович. – Он диплом-то хоть свой найдет? – Пареньку на вид действительно было лет восемнадцать. – А опытные сотрудники у вас в отделе есть?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.